

A photograph of a sunset over a field. In the foreground, there is a rustic wooden fence made of logs and branches. The sun is low on the horizon, creating a warm orange and yellow glow across the sky. The field is green with some yellow wildflowers. The text is overlaid on the image in a stylized, yellow-green font.

Александр Сушков

Как страшно засыпать
в России

Алексей Суслов

Как страшно засыпать в России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23689728

Аннотация

Стихотворный путь Алексея Сусллова от юности к зрелости

Как страшно засыпать в России,
Когда из тьмы рождается не тьма,
А террорист (коварный раб пустыни),
Готовый сокрушить взрывчаткою дома.
И если есть возмездие святое,
И если есть правдивый честный суд -
Не совершат лихое дело злое
Те, кто за злобу кару понесут.
Поглотит их земля и свет навек погаснет
В сознании их диком и глухом.
О, человек, не думай впопыхах о счастье,
По головам идущи напролом!
Люблю я старые газеты:

В них жизнь витает как в печи,

Плодятся вечные сюжеты

И пахнут Богом калачи.

Макс Фрай

Кругом Макс Фрай -

и дальше – больше;

мне прямо верится с трудом,

что животворное искусство

без стука входит в каждый дом.

– Что, ты, неожиданное творенье

готово дать моей душе:

обожествленье,

озаренье...?

– Нет. Только смерти неглиже.

Якутия

Тяжёлый край, где мёрзнет снег,

Где человеку нет раздолья,

Где стынет кровь две сотни лет

Реки, ушедшей здесь в подполье.

Якуток сонные глаза

Ещё стремятся к вечной неге,

И капает с домов слеза

Как песнь прощальная о снеге.

Враги

Как хорошо иметь врагов,

Соплю их чувствовать душой.

Мир полон древних дураков,

Ума лишённых красотой.

Абракадабры все сойдут,

Утихнет сплетен мёртвый шторм.

Суд смертных – то не Божий суд,

Читайте 106 псалом.

Сумерки

В ночном саду, у злых аттракционов,

Где каждый шаг рождает сто других,

Мы с Джессикой плодили россыпь стонов,

Похожие на птичек заводных.

Я с страстью гладил бархатную шейку,

Лез в джинсы, забывал на миг,

Как Джессика подбросила идейку

Покрасить Ленина в цвета созревших фиг.

Апофеозом стали трепетные ласки,

Взаимные как твитовский твой друг.

Стоял Ильич в шахтёрской старой каске

И ждал рукоплесканья наших рук.

Ты сегодня такая красивая:

вздёрнутый носик и взгляд в пустоту.

Если б не ночь, упоительно длинная,

я бы умер, глотая слезу.

Твоя тень, не выдавшая солнца,

близко так, что я слышу на вкус,

как сгорает до самого донца

моя страсть с сотней временных чувств.

Идут мужи в белых одеждах,

А впереди идёт Христос.

В душе Руси моей мятежной

Который год уже мороз.

Я видел сон, где мгла сияла,

С мужей сочился дивный свет.

И Русь как бабочка воспряла,

Отторгнув паутины бред

Не отнимай, о дивный Бог,

На вечный Рай мою надежду,

Пусть наг я, грязен, одинок

И превращён грехом в невежду.

Но где-то теплится в душе

Всё то, что светом согревало.

Умру, и в звёздной тишине

Я одолею смерти жало.

Проститутка

Стоит как статуя, в проходе,

Как моль – безжизненно бледна,

Оставив совесть на приколе

Там, где с отцом одна жила.

Отец и бил, и издевался,

Мстя за невинность, чистоту.

Он пылью сделать всё старался

Её заветную мечту.

И здесь, у статуи святого,

Который бесам сеял страх,

Она как часть всего земного,

Отходит медленно в злой прах.

Кто воскресит слепую душу?

Сотрёт слезу, очистит ум?

Как в бедствии – толкнёт на сушу,

Когда утихнет шторма шум?

Римский жрец

Я был жрецом в далёком Риме,

Вершил дела седых людей,
И вдруг доверил сердце приме,
С огромной тяжестью грудей.

Я бегал днями и ночами

В уютный дом у злой реки.

Там занимались мы страстями

И были счастьем эти дни.

Но заболел я странной хворью,

Уехал в Африку, и вот -

Залит живот вонючей кровью

И эта кровь на част рвёт.

Спасти любовь могла, но вскоре

Убили душу примы той.

Мы умирали с ней в позоре,

В своей любви роковой.

Теперь богам я мою ноги,

У примы есть прекрасный сад,

Я день и ночь слогаю слоги

И каждый встречный стал мне рад.

Меланхолия

Мне не снится Париж,

Мне не снятся цветы

У старинного серого дома.

Моя совесть чиста,

Моя песня проста:

Мне нужны только вера и воля.

Поднимусь на чердак,

Засвищу просто так,

Ветер дует

И море трепещет.

Моя родина – синяя даль.

А Париж мои раны не лечит.

Андрею Вознесенскому

Свет свечи – это твой мне подарок,

И уйдя, ты остался со мной.

В тишине, когда отзвук так сладок,

Я услышу твой голос святой.

Вдруг порвав непорочные строки,

Я уйду навсегда в тишину,

День пройдёт, и неделя – все сроки,

Всё не вечно, лишь роза в саду.

В этой розе – разлука и встреча,

Ты и я – это всполохи звёзд.

Знает время, бунтарством калеча,

Петь стихом нам зачем довелось.

Надежда – весна; я плачу от счастья,

Что Бог мне оставил хоть горстку тепла,

И чья-то рука мне легла на запястье,

Сказав, что падёт моей боли скала.

Я нежусь на острове новых мечтаний,
Я жить захотел, я воскрес всей душой,
И чья-то слеза, как в пучине восстаний,
Луною блеснув, породнилась с землёй.

Я жду, когда придёт рассвет;

Я жду, когда проснётся солнце;

Когда войне скажу я "нет";

Когда судьбу допью до донца.

Я жду блаженные часы;

Я жду весну, не ждавши лета;

Когда любовь возьму в узды;

Когда уеду на край света.

Мне надоело петь о смерти,

Я весь потрёпан, но живой.

Оставили притвор все черти

Моей каморки холостой.

Моя рука уже не дрогнет,

Когда объявят вновь войну.

Моя собака уж не сдохнет,

Когда я к Богу отойду.

Над летней беседкой, где солнце живёт,

Где в бежевых тучах свобода поёт,

Душа моя ищет, душа моя ждёт,

Когда новый Царь сквозь несчастья сойдёт.

Я брошу томлений слепые узы,
Из леса сойду в полевые низы,
Вскричу, и с деревьев осыплет листва,
И стану как птица, что в небе чиста.
Мне многое не нравится в стране,
Но я учился в этих ветхих хатах
Не жаловаться Богу на спине,
А правду вить при солнечных закатах.
Порой рождалась мудрая строка,
Что революция рождается не в душах -
Душа чиста, душа легка -
Кровь льётся при сердечных стужах.

Зима на сердце – половина зла:

Я это знал в суровых школьных классах.

У родины есть верная стезя -

Внимать прозрению народных гласов.

Под снегом бы лежать,

Узреть ребёнком мать,

И больше не мечтать:

Что брать, а что отдать.

Хочу сегодня помолится

Не за друзей, а за врагов:

Пусть шумной ночью им приснится

Благая весть без всяких слов;

И дождь – великое творение -

Прольёт Святую благодать.

Знай, человек, своё прозрение:

Добро не гнать, добро давать!

Как много рек стремится к Богу:

Рек тихих, бурных – каждый миг

Трясёт то храм, то синагогу:

"Я Божьи тайны все постиг!"

Они ли знали Божьи стоны?

Смогли ли нищего согреть?

И сквозь грехи и тьмы препоны

Христа Распятого узреть?

Они ли в церкви торговали,

Смотрели гордо, свысока

Как нищего того пинали,

"Так это ж гниль и босота!"

Зачем вы Бога вновь распнули

Злодейством – мёртвым серым сном?

Не ваши ль души в век уснули,

Покрытые глухим ярмом?

Святые

Напрасно люди говорят:

Мир зол, распутен и коварен -

Есть люди, что добро творят,

И Бог с святыми солидарен.

Он кормит верой их весь день,

Он говорит им ночью тёмной -

И в душах их цветёт сирень

Зимой, унылой и холодной.

И Бог молитвы слышит все.

Нет, хор сверчков им не мешает -

Тем, что Творца чтут на горе,

Где Бог им радугой сияет.

Брошенные поля России

Ещё мы слышим счастья слоги,

Ещё нам молнии гремят,

И лишь поля как недотроги

Бурьяном жалостным молчат.

Нашла приют медаль из фронта

Под вечным кругом колеса.

Здесь ждут людей стального сорта

И льют с надеждой небеса.

Девочка сидела на коленях

И говорила, глядя на луну,

Смеясь и плача, о молодых оленях,

Замёрзших в январскую пургу.

Она на палец намотавши локон,

Отдёрнула противную руку.

И клочок волос – паучий серый локон,

Как и олени, умер по утру.

Отныне и во веки, здравствуй!

"Нас Бог не любит" зря ты говоришь;

В Его любви живей, полней участвуй,

И ты как голубь в небе запаришь.

Открой сады живого милосердия,

Источник счастья в Боге ты открой,

И Он разрушит в сердце твоё твердые -

Ты обретёшь и радость и покой.

А в русском раю живут теперь таджики;

Пророчествовать принялись на все лады слепоглухие;

Народ всё ждёт, когда воскреснет тело голой Эвридики;

И души стали свежесто-парные.

Когда к кресту прибьют впервые цифровое сердце?

Когда отныне литургией перестанут быть концерты?

Придёт небог, и скажет рыло общего с тираном мегагерца,
Что, мол, пришла пора платить с судьбы проценты.

Но а пока: живи, танцуй, люби и смейся;

Любого человека держат в запасных готовые для боя боги.

Жасмин расцвёл: хоть этим ты теплом согрейся.

Тебе нужны в раю таджикские чертоги?

Уйдут не все: в далёком поле

Ещё останутся стоять -

Семь сеялок в овражьем склоне,

Пустой земли сырая пядь...

А рядом, в кладбище посеян

Людской судьбы мятежный дух.

Туда придут. Здесь с костью склеен

Манящий бездыханный слух.

Волкам в овечьей шкуре
Растлители детей,

Священники в кавычках!

Вы ль лучше лже-людей,

Что гибнут в пьяных стычках?!

Вас поит мраком тьма,

Вам свет не греет кровь;

Слепой тропой зла

Идёте вновь и вновь...

Крест заплевали враз,

Дар Божий в миг отвергли,

И слёзы детских глаз

Вас, слава Богу, свергли

С тех площадей добра,

Где вы паслись как овцы!

Есть в Правде доля зла,

Есть в зле и лучик солнца.

Сложно в душе распилить решётки,

Из гения выбиться в простенький люд,

Выкинуть в хлам криминальные сводки,

Не замечать, что в тебя плюют.

Кто по наглее, тебя зарешётит,

Гений твой выбьет как сволочный шут,

Память твою удавиться попросит,

Глумливый плевок замерит на кнут.

Нет, успокойся. В молитве отчаяния

Душу очистишь, она запоёт.

Видишь, цветок, отвергнув страдания,

Над камнем памирским неделю цветёт.

Иногда я пред Богом себя обретаю,

Иногда отвергаю Его Божество,

Как свеча, перед образом Чистым сгораю,

Укротив человечье в грехе естество.

Возложив на молитву все страхи и боли,

Я к душевной гармонии с верой стремлюсь.

Даже если мне слышен глас адской юдоли, -

Я уже не ропщу, я уже не боюсь.

У двух домов, богатства полных,

в которых чувства все глухи

и нет любви, и нет отваги,

У берегов солёных,

трепещутся стихи...

в папирусной бумаге.

Изгнанник

Иосифу Бродскому посвящаю

Не скрыться мне от глаз людских -

Они сверлом меня буравят,

Но ветер возмущения затих,

И чувства добрые мной правят.

Я, выйдя из дому, стою,

Веду свой спор неторопливый

С луной, что стала к сентябрю

Как старый конь, сухой и сивый.

Иду к озёрам и лугам,

И в небе звёзды не считаю.

Зачем брожу я по ночам?

Собой полночный мрак питаю.

Апрель

На красках взгляд не удержать

Стремится к большему волнению

И всечестному искуплению

Всего себя в тот мир отдать

Где голуби уже не птицы

А души вечные в пути

Которым ни за что не скрыться

И в небо-тайну не уйти

Но знать что небо – это слово

Как дождь, как солнце и погост

И то что умирать не ново

А просто так встать во весь рост

Звони,

но не молчи

мне в трубку.

Сотри

уныние,

дари улыбку, шутку.

Сверкни

кометою

с добрыми вестями.

И я пойду,

сойдя с ума,

горами и полями.

Солнце теряет грусть,

Медленно... но и пусть;

Вечная болтовня -

Я потерял тебя.

Мир ищет вечный свет

На перепутье лет;

Я ж хороню любовь -

Смерть! жизнь принять готовь.

Королева

Я так устал быть неразгаданным тобой,

Ты в ссылку ложью сослана моё сердце;

Вот, в небесах звёзд серебро над головой

И ты торопишься перед другим раздеться.

Когда туман покроеет ненавистью путь,

Что ты нагая шла, изображая деву,

Не буду я просить кого-нибудь -

Я сам тебя казню как королеву.

Лондон

Мне снится Лондон без тумана.

Печальный город в свете звёзд.

Здесь магазины без обмана,

В дверях которых повис твой дрозд.

Петляет время средь развалин,

Адель поёт, и я пою.

Стоит мой дом, где нету ставен.

Я лишь ночами в нём живу.

Весна идёт

Какой концерт на всех деревьях

В суровый озноб февраля?

То воробьи в нечистых перьях

Поют для Бога и меня.

Они штурмуют молниеносно

Мороз, метель и всю тоску.

Весна идёт в наш мир серьёзно

Со вздутой веной на виску.

Не гонись за славой тихий лодочник,

"Мол, и сотню бар перевезу!"

Хоть и будешь королём у сволочи,

Но отвергнешь Божию звезду.

Говорю как пред лицом Спасителя:

Тихо свою рыбицу лови.

Будешь ты голодных ран целителем

И умрут безслёзно короли.

Вечером книги мои уснут,

В углу засопит по-домашнему кот,

Во сне унывая, что весну не вернут

Дворник Степан и весь русский народ.

Мальчишка, у которого имени нет,

Носит коту рыбу свежего лова,

Которую выловил в этот обед,

Не ради прекрасного доброго слова.

Мне кажется часто, что гость не придёт,

Он станет по-взрослому глупый и сонный,

И снег, очарованный светом, пойдёт

На город, беззвучья вечернего полный.

Обыденность

Бывает, обыденность – мерзкая штука,

Бывает, обыденность – слава времён.

То первое – странные гости без стука,

Второе то – блюдо – озёр окоём.

Так знайте что мелочь – вместилище Бога.

Что взгляд сохранил – то не сбросить с воза.

И мелочь – разбитая фурой дорога?

И мелочь – рождённая счастьем слеза?

Месяц повесился на соседской берёзе;

Свеча, не смейся: на всех хватит боли.

Отсутствие родины начертят в анамнёзе,

На раны насыпят побольше соли.

Ненастье на море не вылечить ромом;

Ненастье в стране лечат лишь эшафотом.

Грянем, друзья, всенародным стоном:

Господа, возите мёртвых "Аэрофлотом"!

Ни берёз, ни свечей не оставит утро.

Караван самолётов отрядит небо.

Сумрак странных времён надо помнить смутно,

Чтоб не сдохнуть в ссылках без воды и хлеба.

Я не хочу волнений лишних, споров.

В моей душе нет больше громких слов.

Я отдал небу тысячу поклонов,

Освободившись от земных оков.

Я тихо жить хочу и умереть как Бродский.

Молчать, как Мавзолей молчит.

В моём краю слышны лишь отголоски,

А он, как отрок беспробудно спит.

Мечты

Мечты, мечты... В миг таял снег,

Который мы с тобой носили

На шапках; он как оберег

Был в ноябре; и озарили

Те капли талые вокруг

Всех наших дней земное чудо...

Декабрь всех берёт в испуг;

И врознь едим одно мы блюдо.

Не звонят наши города

Друг другу: тишь, погост и холод.

Ты слишком уж была горда,

Я слишком был наивно молод.

Гулял папа Римский по Риму

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.